

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

На правах рукописи

Касландзия Наала Валерьевна

**Женщины правящей элиты Абхазского царства: история,
политика, династические связи (80-е гг. VIII – середина XIII в.)**

Специальности: 07.00.01 – история Абхазии;
07.00.03 – всеобщая история (история средних веков)

**Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени доктора исторических наук**

Сухум – 2024

Диссертация выполнена в отделе истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, академик
Кварчия Валерий Еремейович
доктор исторических наук, профессор
Кудаева Светлана Григорьевна
доктор исторических наук, профессор
Маан Омар Владимирович

Ведущая организация: Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

Защита состоится 16 августа 2024 г. в «__» часов на заседании разового Диссертационного совета по истории при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа по адресу: Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии и на сайте Академии наук Абхазии akademra.org

Автореферат разослан «__»2024 г.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44, e-mail: abigi@rambler.ru

Ученый секретарь
разового Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

В. В. Авидзба

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Всплеск интереса к «женщине в истории», наблюдающийся в современной медиевистике, отчасти обусловлен все большей популярностью социально-культурной истории, исторической антропологии, «истории ментальностей», которые открывают новые горизонты видения и понимания человеческой личности».¹

Средневековые авторы мало уделяли внимания современницам. Женщины удостоивались упоминания, как правило, в связи с важными политическими событиями. «Несмотря на то, что от эпохи средневековья до нас дошло немало имен женщин, в той или иной степени принимавших участие в отправлении политических функций, в целом их гораздо меньше, чем мужчин. Обычно в источниках описываются такие случаи, когда женские стратегии и тактика были настолько заметны в политической сфере, что они просто не могли не быть упомянуты».²

В письменных источниках по истории средневековой Абхазии информации о женщинах немного, и она касается исключительно венценосных особ. Несмотря на отрывочность сведений, есть основания говорить о высокой политической активности представительниц правящих династий Абхазского царства.

Актуальность исследования. «Женская история» на сегодняшний день является одним из самых динамично развивающихся направлений гуманитаристики, что во многом продиктовано социальными и интеллектуальными запросами современного общества. За последние десятилетия значительно расширилась источниковая база «женских исследований», круг рассматриваемых проблем, выходят в свет монографии и

¹ Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX – середины XI в. Автореферат диссертации (на правах рукописи). Саратов, 2009. С. 13.

² Бикеева Н. Ю. «Век аббатис и королев»: «Власть женщин» в раннее средневековье. Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем // Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ (Российской ассоциации исследователей женской истории) Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. 1–3 ноября 2010 года, Череповец. Т.1., М., 2010. С. 17.

статьи, предпринимаются попытки создания обобщающих трудов. Следует констатировать все возрастающий интерес к женщине в средневековой истории. Ранее медиевисты обращались к «женской теме», как правило, в рамках изучения семьи и брака в средние века, «освоение» феминной проблематики привело к тому, что в поле зрения специалистов оказались вопросы социально-правового статуса женщины, ее участия в политической, религиозной, экономической жизни средневекового социума.

Изучение истории средневековой абхазской государственности предполагает всесторонний анализ деятельности правящей элиты, в том числе ее женской части. В этом направлении исследований особый интерес вызывают функции и полномочия представительниц царских династий Леонидов и Абхазских Багратидов. Круг проблем, связанных со статусом, государственной деятельностью, способностями и возможностями царственных женщин имеет важное значение для общего анализа политической, социальной и культурной истории Абхазии в эпоху средневековья. Актуальность избранной темы состоит в том, что изучение таких институтов средневекового государства, как династия, соправительство, регентство, невозможно без учета женского фактора. Женская часть правящих домов располагала весомым потенциалом, который находил реализацию в различных сферах: от брачной дипломатии и поддержания родственных связей до репрезентации образа власти. Возникла насущная необходимость оценить вклад представительниц высшей политической элиты в теорию и практику власти на конкретном историческом материале Абхазского царства и сопредельных стран. Рассмотрение деятельности высокородных женщин на широком историческом фоне открывает перед исследователями перспективы иллюминирования ключевых событий средневекового прошлого Абхазии в гендерном измерении. Специальные работы, в которых положение царственных женщин являлось бы самостоятельным объектом исследования, в абхазоведении отсутствуют.

Объектом исследования являются женщины-монархи, правительницы Абхазского царства, а также – жены, сестры и дочери абхазских царей.

Предмет исследования – степень политической и социокультурной правомочности царственных женщин на государственной арене Абхазского царства и сопредельных стран в конце VIII – середине XIII в., исследование необходимых для этого личных характеристик представительниц женской элиты и конкретных условий их реализации.

Целью данного исследования является выяснение места представительниц правящих домов Леонидов и Абхазских Багратидов в структуре властных отношений в Абхазском царстве и за рубежом в конце VIII – середине XIII в., а также рассмотрение форм активности знатных женщин в религиозной, социальной и культурной сферах.

Поставленная цель определяет конкретные задачи работы:

1. Выявление всей совокупности свидетельств источников о женщинах, принадлежавших к правящей элите Абхазского царства;
2. Определение, по имеющимся данным, фактов реального влияния представительниц династий Леонидов и Абхазских Багратидов на внутреннюю и внешнюю политику как Абхазского царства, так и близлежащих государств;
3. Анализ представлений о социальных ролях и желательных формах поведения женщин правящей элиты;
4. Выявление путей, приводивших к аскетизму в миру и уходу от мира царственных женщин;
5. Рассмотрение женского сегмента царского антропонимикона Леонидов и Абхазских Багратидов;
6. Составление биографических очерков рассматриваемых персоналий в сравнительно-историческом аспекте, рассмотрение индивидуальных жизненных стратегий женщин высокого социального статуса;
7. Отслеживание большинства матримониальных союзов с участием как абхазских цариц и царевен, так и представительниц зарубежных правящих

домов, вышедших замуж за абхазских монархов, а также исследование конкретной политической ситуации при заключении ряда династических браков;

8. Анализ способов репрезентации женщины-монарха, воссоздание общей картины восприятия женского правления на основе вербальных и визуальных текстов.

Хронологические рамки диссертации охватывают период становления, расцвета Абхазского царства с конца VIII до середины XIII в.

Нижний временной отсчет определяется тем, что в конце VIII в. образовалось раннесредневековое государство – Абхазское царство.

Верхний временной отсчет обусловлен тем, что в середине XIII в. происходит распад государства Абхазских Багратидов.

Территориальные рамки исследования. В данной работе представлены сравнительно-историческое исследование и историческая реконструкция политической ситуации заключения династических союзов, имевших приоритетное значение для внешней и внутренней политики средневековых социумов и государств, по следующей историко-географической схеме – Абхазское царство и его соседи (Византийская империя, Армянское царство, Ширванское шахство, Русь, государства Сельджукидов, Алания, Дербент, а также кочевые социумы степей Евразии). С формированием и становлением Абхазского царства как самостоятельного субъекта международных отношений устанавливались и развивались контакты со странами и народами, очень разными в культурном, этническом, религиозном и языковом отношениях. И именно это многоплановое взаимодействие Абхазского царства и его контрагентов во многом определило социальное положение и политическую роль женской элиты государства.

Степень изученности проблемы. Работа посвящена практически не исследованной в отечественной историографии теме, и, соответственно, следует констатировать отсутствие обобщающих трудов, содержащих теоретические основы разработки проблемы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что исследование, посвященное представительницам правящей элиты Абхазского царства, основанное на комплексном анализе источников в сравнительно-историческом и гендерном аспектах, на широком историческом фоне, предпринимается впервые в отечественной историографии. В работе обобщен и вводится в научный оборот весь накопленный к настоящему времени материал о политической, религиозной и культурной деятельности женской части правящих династий Абхазского царства. Сделанные выводы позволят объективно оценить степень ее причастности к «делам государства». Основным содержанием исследования стали статус, функции, поведенческие роли (модели) абхазских цариц и царевен. Доказывается, что политическая роль женщин из династий Леонидов и Абхазских Багратидов не оставалась неизменной, а эволюционировала на разных этапах истории абхазского государства, завися, в свою очередь, как от внутри- и внешнеполитических факторов, так и от личностных характеристик конкретной персоналии. Отражена включенность высокородных женщин в формирование поля междинастического общения, в реализацию брачной стратегии абхазских монархов, направленной на укрепление собственной власти и выстраивание союзнических отношений с ведущими политическими акторами. На основе анализа письменных источников, данных нумизматики и изобразительного искусства выявлены принципы и методы репрезентации женщины-монарха. Проведенное исследование предоставило качественно новую информацию о женской части элиты абхазского средневекового общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Природа монархической формы правления содействовала политической активности женщин и предполагала осуществление, наряду с традиционными гендерными ролями, освоение ими и иных сценариев поведения. Статус соправительницы, опекуна, регента, как свидетельствуют многочисленные факты, открывал высокородным женщинам доступ к решению важных политических вопросов, касавшихся

управления государством. В связи с этим представительницы правящих домов Абхазского царства могли выполнять административные, представительские, дипломатические функции, выступая защитницами интересов династии.

2. Одной из сфер деятельности высокородных женщин было религиозное служение, предполагавшее несколько форм его реализации. Царственная особа могла избрать как принятие обета с последующим пребыванием в монастыре (традиционное монашество), так и монашество в миру, руководствуясь идеей женского сослужения во власти. Активность представительниц знати, как инокинь, так и благочестивых мирянок, находила выход в эвергетизме, который был обусловлен религиозными мотивами. Христианская благотворительность включала в себя постройку и ремонт церковных зданий, их отделку, осуществление ценных вкладов и раздачу милостыни. Практика социально-христианского служения неразрывно была связана с образом высокородной женщины.
3. Женский сегмент царского антропонимикона Леонидов и Абхазских Багратидов наравне с мужским отражал династические традиции и стратегии, нес в себе значительное идейное содержание. Круг небесных покровительниц правящих династий был сопряжен с женским религиозно-нравственным идеалом эпохи.
4. Использование средневековыми монархиями брачных союзов как инструмента дипломатической политики способствовало интеграции высокородных женщин в политическую организацию государства. Матримониальные союзы играли ключевую роль во внешнеполитической стратегии абхазских царей: их значение заключалось в освоении властными элитами внешнего мира посредством династических браков и выстраивания сетевого взаимодействия с влиятельными правящими домами. Направления матримониальных альянсов определялись международной обстановкой, внешнеполитическими интересами Абхазского царства.

5. Возможность женского правления в Абхазском царстве основывалась на представлении о том, что члены правящей династии вне зависимости от гендерной принадлежности являлись сакральными особами. Преодоление рамок своего пола для высокородной женщины было возможно только как носительнице божественной харизмы вследствие причастности к царскому роду.
6. Театр власти в Абхазском царстве имел свою уникальную систему ритуалов и атрибутов, сложившуюся на основе синтеза различных этнокультурных традиций. Он функционировал практически в полном объеме и в период правления женщины-монарха. Вместе с тем механизм репрезентации власти правительницы обнаруживает некоторую специфику, поскольку средневековая ментальность требовала сочетания внутреннего содержания власти с внешне воспринимаемой формой, образ женщины-монарха соединял в себе и маскулинные, и феминные черты.
7. В исторических нарративах представлен набор конвенциональных качеств знатной женщины, в их числе целомудрие, милосердие, смирение, набожность. Приложением к указанным характеристикам часто являлась внешняя привлекательность, красота. Поведение царственной особы в обществе прогнозировалось в соответствии с теми положительными функциями, которые ей приписывались. Содержащиеся в источниках факты биографии абхазских цариц и царевен, как правило, соответствуют ожидаемому и одобряемому типу социальной активности для представительниц высших кругов общества. Случаи порицания крайне редки.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма предусматривает: опору на наиболее достоверные источники, их всесторонний и комплексный анализ, изучение рассматриваемых явлений с учётом исторической динамики и в контексте представлений, свойственных их современникам. Принцип научной объективности предполагает непредвзятость исследователя, отказ от

априорных подходов и идеологической ангажированности, максимально полный анализ всей информации источников вне зависимости от её соответствия или несоответствия той или иной научной концепции. В диссертации нашли применение такие общенаучные и специальные методы исследования, как логический, хронологический, сравнительно-исторический (компаративный), историко-типологический, историко-генетический. Использование элементов историко-биографического метода позволило проследить судьбу знатных женщин. В связи с узостью источниковой базы жизненный путь некоторых царственных особ не всегда мог быть прослежен достаточно полно, в некоторых случаях он реконструируется лишь фрагментарно.

В данной работе широко применен прием исторического описания (нарратива). Он в полной мере способствует раскрытию исторического контекста рассматриваемого нами периода. Специфическую направленность исследования обусловил гендерный аспект, без которого невозможно полноценное раскрытие темы. Термин «гендер», в настоящее время широко используемый в различных областях знания, в 80-е гг. прошлого столетия стал одной из центральных категорий «женских исследований». Под «гендером» мы понимаем «совокупность социальных и культурных норм, которые выполняют члены общества в зависимости от своего биологического пола и в соответствии с установками этого общества и его представлениями, какие жизненные стратегии и способы социализации (адаптации к жизни в обществе) нормальны для одного или другого пола. ... Гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.)».³ Сфера гендерных отношений является чрезвычайно репрезентативным полем для исследования социума, в том числе и средневекового. Гендерный статус

³ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., Информация XXI век. 2002. 256 с. https://studylib.ru/doc/151282/slovar_-gendernyh-terminov--doc?ysclid=1w4qrprq24558261608

выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности. Учет гендерного фактора при изучении истории средневековой Абхазии не только дополняет традиционное историческое повествование, внося в него женские имена, но и открывает новые исследовательские перспективы. Гендерный подход позволяет выделить женский сегмент правящей элиты Абхазского царства в качестве самостоятельного объекта изучения и рассматривать его как группу, отличающуюся специфическими характеристиками и многоролевыми социальными функциями.

Одним из наиболее перспективных направлений исследований в рамках гуманитарных и социальных наук является изучение образов власти. Осмысление феномена «образа» в целом и «образа власти», в частности, способствовало формированию особого направления исторических изысканий – потестарной имагологии (понятие было введено М. А. Бойцовым). В фокусе внимания медиевистов оказался коммуникативный аспект власти, сложная система ритуалов, церемоний, изображений, знаков и символов, использовавшихся для репрезентации и легитимации монарха. Концепция имиджа и его создания, безусловно, важна для изучения некоторых вопросов нашего исследования, связанных с образами представительниц правящих династий Абхазского царства. Нахождение на абхазском престоле правительниц-женщин предоставляет возможность взглянуть на формирование образа правителя с учетом гендерного аспекта. Использование всех вышеперечисленных методов в их совокупности соответствует задачам исследования и определяет его структуру.

Необходимость обновления исследовательского подхода к средневековой истории Абхазии в первую очередь демонстрирует наличие в современной историографии противоречий в представлениях о сущности Абхазского царства. Концептуальное изучение облика высокородной абхазской женщины невозможно вне контекста изучения истории Абхазского царства и вопросов средневековой абхазской государственности. В течение

всего XX в. в грузинской медиевистике прослеживаются националистические тенденции, особенно в части освещения событий средневековой истории Абхазии. В своих трудах большинство грузинских исследователей развивало и отстаивало реакционный тезис об Абхазском царстве как западногрузинском государстве, расширение же его государственной территории рассматривалось как процесс «собирания грузинских земель». Трансформации, которым подверглась историческая наука на постсоветском пространстве под воздействием демонтажа марксистской парадигмы, никак не повлияли на постулаты грузинской историографии (медиевистики) в отношении Абхазского царства. Псевдонаучные построения по возвеличиванию грузинского этноса и отрицанию роли абхазов в создании и функционировании одноименного царства наличествуют в современных коллективных монографиях и учебниках по истории Грузии. Следует констатировать, что и на нынешнем этапе грузинская историография, в частности медиевистика, продолжает находиться под влиянием политической конъюнктуры, превратившись, по сути, в средство пропаганды идеи о неспособности абхазов к самостоятельному политическому развитию.

В советский период, несмотря на жесткое идеологическое давление со стороны грузинского исторического сообщества, абхазские исследователи успешно противостояли тенденции рассмотрения истории Абхазии в контексте истории грузинской и стремились дать объективный анализ генезису и становлению абхазской средневековой государственности. На современном этапе задачей отечественных специалистов является выработка строго научно обоснованной концепции истории Абхазского царства.

В работе используется ряд понятий, которые требуют дополнительного пояснения. Применяя термин «Абхазские Багратиды» в отношении второй правящей династии Абхазского царства, мы исходили из того, что с восшествием на престол Баграта II происходит выделение абхазской ветви дома Багратидов.

Багратиды – древний аристократический род, иранского происхождения, по некоторым данным, восходящий к Оронтидам – ахеменидским сатрапам, в эпоху средневековья, по общепринятому мнению, давший правящие династии Армении, Тао-Кларджетии и Кавказской Албании. Большинство исследователей полагают, что «грузинские» Багратиды являлись ветвью армянских Багратидов. Наиболее достоверными принято считать сведения, согласно которым основатель Тао-Кларджетского княжества Ашот Куропалат приходился внуком ишхану Армении Ашоту Слепому.⁴ По аналогии с тем, как в конце VIII – начале IX в. выделилась «грузинская» ветвь династии Багратидов, два века спустя от последней обособилась абхазская. В пользу данного утверждения свидетельствует внесение имени Баграта II в составленную по его указанию генеалогию царей абхазов («Диван абхазских царей»), что зримо обозначило его связь с домом Леонидов, подчеркнуло преемственность власти в Абхазском царстве, приверженность политическим традициям, заложенным его предшественниками. Имена из ономастикона дома Леонидов были усвоены следующей абхазской царской династией, в частности, номинации «Георгий», «Дмитрий», «Гурандухт», не входившие в именованное Багратидов Тао. Царское достоинство Баграта II и всех его преемников до середины XIII в. обеспечивалось владением абхазской короной. В их официальном титуле имя «царя абхазов» неизменно присутствовало на первом месте. Последний факт четко фиксируют документы царской канцелярии и данные нумизматики. Сумбат Давитисдзе, биограф Багратидов Тао-Кларджетии, именует Баграта II «царем абхазов» и «великим куропалатом», но ни разу «царем картвелов».⁵ Согласно тому же автору, титул «царя картвелов», который носил дед Баграта, Баграт Регуени, не был унаследован ни сыном, ни внуком последнего. Нет никаких оснований говорить о том, что воцарение Баграта Багратиони привело

⁴ Шагинян А. К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. СПб., 2011. С. 276.

⁵ Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах / Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979. С. 37.

к «слиянию двух престолов: «абхазского» (западногрузинского) и «картвельского» (тао-кларджетского)» (по З. В. Папаскири), результатом чего стало образование объединенного «Грузинского царства».⁶ В 990 г. правитель Тао-Кларджети магистр Давид, позже удостоенный титула куропалата, признал своим наследником императора Василия II. В 1000/1 г. Давид Куропалат скончался и большая часть его земель перешла под юрисдикцию Византии, на их основе был образован Иберийский катепанат. Обойденный в завещании приемного отца, Давида Куропалата, Баграт II пытался удержать старшинство среди таойских Багратидов. Поэтому в 1001 г. он принял от императора Василия II титул куропалата, высший в доме Багратидов Тао. Таким образом, как представитель династии Багратидов Тао и владетель части её территории, но не как царь абхазов, Баграт признал себя вассалом Византии. Показательно, что в «Диване абхазских царей», составленном не ранее 1008 г., византийский титул его составителя не упомянут.⁷ В дальнейшем для укрепления своих позиций в этой части Закавказья и упреждения новых экспансионистских замыслов Византии Баграт силой завладел Кларджетией и её главной крепостью Артануджи. Тезис о трансформации Абхазского царства в «царство абхазов и картвелов» с приходом к власти Баграта II не находит подтверждения. Первый представитель новой династии и его преемники лишь продолжили внешнеполитический курс Леонидов, направленный на приобщение к Абхазскому царству новых территорий. Использование в XI – середине XIII в. арабо-персидскими, латинскими, византийскими, русскими и собственно грузинскими источниками терминов «Абхазия» (Обезы, Авасгия) и «царь абхазов» в отношении государства и его правителей, являвшихся прямыми потомками Баграта II, могло быть детерминировано единственно тем, что династия репрезентировала себя как абхазскую. Отметим, что женщины правящей элиты именуется иноязычными

⁶ Папаскири З. В. Абхазия и абхазы в общегрузинском этно-культурном и политико-государственном пространстве // Кавказ & Глобализация. Том 2. Выпуск 2. Часть 1. Баку, 2008. С. 135.

⁷ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментарием снабдил Амичба Г. А. Сухуми, 1986. С. 17.

авторами «абхаз-хатун», «абхаз-малик», «княжна из Обез», «авасгисса». Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в конце X в. Баграт Багратиони стал основателем новой династии – династии Абхазских Багратидов.

Успешная внешняя политика абхазских монархов привела к существенному расширению пределов государства и включению в его состав территорий с населением, различающимся в языковом и конфессиональном отношениях. Летописцы начинают именовать абхазскую корону «венцом, освящающим семь царств», а титул монархов дополняется и редактируется с учетом новых политических и территориальных приобретений. Между западной и восточной частями царства наблюдались заметные отличия, что отражено в грузинских письменных источниках посредством использования терминов «нижние земли» и «верхние земли». Эти дефиниции применялись для разграничения двух обширных регионов не только и не столько в географическом смысле, а, прежде всего, в историко-культурном и политическом. Следует обратить внимание и на существование в Абхазском царстве двух католикоساتов, абхазского и мцхетского, клир первого окормлял население западной части государства, второй – значительной части восточной. Отметим, что в означенный период принадлежность индивида к той или иной конфессии или церковной организации являлась важнейшей характеристикой, подчас совпадая с этнической идентичностью.

Династия Абхазских Багратидов обеспечивала единство государственного организма, являясь его главным скрепляющим элементом. «Нижние земли» составляли домен правящей династии, «верхние» – территории, по большей части завоеванные, присоединенные силой оружия. В завещании царя Давида I Возобновителя, составленном в 1125 г., который, к слову, при восшествии на престол «царство Абхазское малое, убавленное имел», монарх четко различает земли наследственные и приобщенные. О том, что именно «нижние земли» являлись вотчиной правящей династии, свидетельствуют места устройства царских усыпальниц (Бедия, Кутаиси), ведущая роль знати и духовенства западной части государства в церемониях

инаугурации и погребения монархов. Под названием «Абхазия» в разноязычных средневековых письменных источниках, как правило, фигурирует все царство Абхазских Багратидов, однако иногда оно могло применяться в узком значении, в отношении только западной его части, так называемым «нижним землям», то есть в отношении царского домена. Для обозначения государственного образования, во главе которого находилась династия Абхазских Багратидов, в работе, наряду с термином «Абхазское царство», нами использовался термин «царство Абхазских Багратидов».

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при разработке курсов лекций, спецкурсов, семинаров по истории средневековой Абхазии, а также при подготовке монографических и обобщающих работ, посвященных абхазской женщине.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены на региональных, всероссийских и международных конференциях.

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы и поясняется общая структура работы, определяются предмет и объект исследования, хронологические рамки. Кроме того, во Введении обозначаются цели исследования и его методологические принципы, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава **«Источниковедческий обзор. Историография»** включает два параграфа. В первом параграфе первой главы произведен анализ источниковой базы исследования. Для изучения избранной темы были привлечены разноязычные письменные источники, отличающиеся по характеру и объему содержащейся в них информации.

Важное значение имеют грузинские исторические сочинения и житийная литература. В древнем цикле летописного свода «Жизнь Картли»,⁸ который охватывает период с V по XIV вв., собраны 10 сочинений. Одно из них, получившее условное наименование «Летопись Картли», было создано в период правления Баграта II в XI в. В источнике есть данные, иногда очень краткие, о деятельности представительниц правящих династий. В частности, представляют интерес сообщения о политической и дипломатической активности матери основателя династии Абхазских Багратидов, жен Георгия III – Мариам и Алды, дочери царя Баграта III – Гурандухт. «Летопись Картли» служит надежным источником информации о брачных контактах династий Леонидов и Абхазских Багратидов с правящими домами соседних государств. Известно, что супругами абхазских монархов в указанный период становились представительницы знатных семейств: Аргиров, Арцруни, Багратидов Тао, а также высокородные аланки.

В анонимном сочинении «Жизнь царя царей Давида» имеются сведения о второй супруге и дочерях монарха, Тамар и Кате. Данные биографа венценосца позволяют установить мотивы заключения брака царя абхазов с представительницей степного народа, а также оценить вклад кипчакской этносоциальной общности в реализацию внешнеполитических планов Давида I Возобновителя.

Произведение, условно именуемое «Летописью времен Георгия Лаши», повествует о событиях XII-XIII вв. Автор сжато излагает историю царствования четырех монархов из династии Абхазских Багратидов, в том числе и Тамар. В завершении своего сочинения аноним сообщает о вступлении на престол Русудан, очевидцем царствования которой являлся сам. «Летописец времен Георгия Лаши» дает характеристику младшей сестры царицы Тамар, Русудан. Также упоминаются другие знатные женщины: мать Тамар царица Бурдухан, дочери царя Давида I Возобновителя Ката и Тамар.

⁸ Картлис Цховреба, (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.

Описанию царствования женщины-монарха Тамар посвящены два исторических сочинения – анонимная «История и восхваление венценосцев» и «Жизнь царицы цариц Тамар». Первоначальный текст «Истории и восхваления венценосцев» сохранился в нескольких списках «Жизни Картли» («Картлис цховреба») XVII в., в частности, в списке царицы Марии и списке Мачабели. Автор произведения был современником Тамар, имя его неизвестно. Сочинение анонима, которого принято именовать «первым историком Тамар», по сути, является панегириком, оно изобилует претенциозными преувеличениями, словословиями в адрес царицы, ее личность идеализирована. «История и восхваление венценосцев» удостоверяет участие Тамар во всех сферах жизнедеятельности государства: административной, религиозной, военной, судебной, дипломатической. В сочинении мы находим сведения о царственных женщинах: матери, тетке и сестре Тамар.

«Жизнь царицы цариц Тамар» является достаточно надежным источником и содержит немало достоверных и ценных сведений. Автор начинает свое повествование со времени правления предшественника Тамар, ее отца Георгия V. Затем он переходит к описанию царствования женщины-монарха. Историк дает общую характеристику личности правительницы, описывает ее внешний облик, упоминает важные подробности семейной жизни Тамар. В сочинении последовательно излагаются события внутри- и внешнеполитической жизни царства Абхазских Багратидов.

«Столетняя летопись» или «Анонимный грузинский хронограф XIV в.» является главным источником сведений о царствовании Русудан, которая возшла на престол в период значительного ухудшения обстановки на международной арене. Военно-дипломатическая деятельность царицы нашла довольно полное отражение под пером анонима. В источнике содержатся сведения о нескольких женских особах, в частности, дочери Русудан, Тамар.

Труд грузинского историка, географа и картографа XVIII в Вахушти Багратиони «История царства Грузинского»,⁹ включающий исторические события «от сотворения мира» до 1745 г., должен рассматриваться в контексте политической и научной мысли своей эпохи. В центре повествования – история царского рода, в том числе и представительницы женской его части. Значительный по объему текст посвящен царствованию Тамар, заметно меньше внимания автор уделит правлению Русудан.

Ценным источником для исследуемой темы является житийная литература. Весьма интересные сведения сохранились в памятниках грузинской агиографии. Ее классический образец – «Житие Григория Хандзтийского» Георгия Мерчуле – был создан в 951 г.¹⁰ В сочинении Георгия Мерчуле содержится уникальная информация о судьбе дочери царя абхазов Баграта Шаройского. Автор сообщает об обстоятельствах расторжения брака абхазской царевны, принятия ею ангельского облика под именем Анастасии и пребывания в обители в Персати.

«Житие Георгия Святогорца (Афонского)» принадлежит перу Георгия Мцире, его ученика и сподвижника.¹¹ Оно было создано во второй половине XI в. Георгий Мцире приводит некоторые данные об Абхазском царстве, его правителе Баграте III и его матери Мариам. Особый интерес представляет сообщение о принятии последней монашества, ее контактах с Георгием Святогорцем в период вынужденного пребывания в столице Византийской империи, о неудавшемся паломничестве к святым местам. Георгий Мцире повествует о прибытии ко двору императрицы Феодоры малолетней абхазской царевны Марфы (Марты).

Использование византийских источников для изучения отечественной истории имеет давнюю археографическую традицию. Сведений о представительницах династий Леонидов и Абхазских Багратидов в них

⁹ Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976.

¹⁰ Древнегрузинская литература (V – XVIII вв.) / Сост. Л. Менабде. Тбилиси, 1982.

¹¹ Житие и гражданство святого и блаженного отца нашего Гиорги Святогорца // Символ. Париж, 1997. № 38.

сохранилось немного, но они весьма ценны. Нами были привлечены сочинения: Иоанна Скилицы «Обозрение историй» (XI в.), Михаила Пселла «Хронография», Иоанна Зонары (Хроника) «Сокращение истории» (XII в.), Анны Комниной «Алексиада», Иоанна Киннама «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов», «История» Никиты Хониата, «Трапезундская хроника» Михаила Панарета.

Следующую группу источников составляют армянские исторические сочинения. Труды армянских авторов отличает высокий уровень информативности и надежности. В «Хронике» Матеоса Урхаеци (Матфея Эдесского) содержится уникальное сообщение об этнической принадлежности первой супруги царя Давида Возобновителя.¹² Для характеристики политической обстановки накануне воцарения Тамар, а также эпохи правления царицы нами привлекались сведения армянских историков: Давида Кобайреци, Григора Акнерци (инок Магакия), Мхитара Айриванского, Смбата Спарапета, Мхитара Гоша, Вардана Великого, Степаноза Орбеляна. Одним из видных представителей армянской историографии являлся Киракос Гандзакеци, годы жизни и деятельности которого пришлись на XIII в. В его труде «История Армении» имеется ценная информация, касающаяся деятельности царицы Русудан в период вторжения в Закавказье хорезмийцев, а затем и монголов.¹³

В отдельную группу могут быть выделены арабо-персидские источники. Они характеризуется тем, что большинство их авторов являлись очевидцами или младшими современниками описываемых событий. Нами были использованы сочинения Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод истории»),¹⁴ Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ибн Али ибн Мухаммада ал-Мунши ан-Насави «Сират ас-султан Джалал ад-Дин

¹² Chronique de Matthieu d'Édesse [962-1136] Continué par Grégoire le prêtre [jusqu'en 1162.] [D'après trois manuscrits de la Bibliothèque impériale de Paris]. Paris, 1858.

¹³ Киракос Гандзакеци. (1200-1202-1271). История Армении. (до 1265 г.; написана после 19 мая 1241 г.) / Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян. М., 1976. Киракос

¹⁴ Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та'рих («Полный свод истории») Избранные отрывки / Перевод с араб яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова. Доп. к перев., прим. и комм., введение и указатели Ш.С. Камолиддина. Ташкент – Цюрих, 2005.

Манкбурны» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны»),¹⁵ Ата Малика Джувайни «Тарих-и Джахангушай» («История мирозавоевателя»). Интересные данные по исследуемой теме находим в труде Насир ад-Дин Хусейн (Яхья) ибн Мухаммед ибн Али Джафари Ругади, более известного как Ибн Биби.¹⁶

Для освещения вопросов, связанных с брачными контактами правящей элиты Абхазского царства с Рюриковичами, большое значение имеют данные древнерусских источников. Ипатьевская (конец XIII в.) и Воскресенская (XVI в.) летописи сохранили уникальные сведения о браке киевского князя Изяслава Мстиславича с «обежанкой».¹⁷

Данные эпистолографии, при кажущейся ограниченности исследовательского поля, дают возможность осветить отдельные эпизоды деятельности знатных женщин. Письмо латинского кантора и пресвитера храма Гроба Господня Анселла парижскому епископу Галлону и архидиакону Стефану, которое датируется 1120 г., позволяет уточнить важные факты биографии первой супруги Давида Возобновителя. Переписка царицы Русудан с папой римским Гонорием III, а затем с его преемником Григорием IX несет в себе ценную информацию о внешнеполитических связях Абхазского царства и дипломатической деятельности женщины-монарха.

Юридические акты является незаменимым средством верификации литературной традиции. В «Столпописании» Руисско-Урбнийского собора значатся имена женщин из правящей династии. В одном из завещаний царя Давида Возобновителя упоминаются его вторая супруга и дочери.¹⁸ Огромную важность для исследуемой темы имеют документы (иммунитетные грамоты, сигиллии), фиксирующие правовую деятельность монархов. Грамоты царицы

¹⁵ Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны: (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Критич. текст, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996.

¹⁶ Ibn BiBi (El-Hüseyin B. Muhammed B. Ali El-Ca'feri Er-Rugadi). El-Evamirü'l-Alâ'iyye fi'l-Umûri'l-Alâ'iyye (Selcuknâme). I. Ankara, 1996.

¹⁷ Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Воскресенская летопись. ПСРЛ, Т. VII, СПб. 1856.

¹⁸ Столпописание святого богособранного собора, который собрался по велению благочестивого и богохранимого царя нашего Давида, абхазов и грузин, ранов и кахов царя // Символ. Париж, 1998. № 40.

Тамар Гелатскому и Шио-Мгвимскому монастырям содержат полную официальную формулу ее титулования. Также нами использовался документ «Чин и распорядок коронования царей», датирующийся серединой XIII в. Степень достоверности этих источников относительно высока по отношению к тематике работы.

Знатные женщины из Абхазии упоминаются в произведениях византийских и ширванских поэтов. Определенный интерес представляют памятники грузинской литературы, в частности, творения современников царицы Тамар: Иоана Шавтели, Чахрухадзе, Шота Руставели. Весьма своеобразный историко-литературный памятник, известный как «Покаянный канон», сохранившийся в рукописи 1233 г., принадлежит перу царя Давида I.

Особую группу письменных источников по исследуемой теме составляют памятники эпиграфики и нумизматики. Нумизматические данные приобретают первостепенное значение в исследовании титулования правителей Абхазского царства, в том числе женщин-монархов. Весьма ценным и информативным источником является иконография. Памятники искусства: фрески, книжная миниатюра, иконы – позволяют сделать выводы относительно программы репрезентации носителей верховной власти, иллюминируют культурно-исторический фон эпохи.

Указанные группы источников в своей совокупности создают вполне определенное информационное поле, позволяющее осветить ключевые вопросы истории раннесредневековой Абхазии.

Во втором параграфе «**Историография**» представлен обзор научной литературы по избранной проблематике. Специального современного научного исследования по рассматриваемой нами теме на сегодняшний день в отечественной науке нет. Отдельные оценки и характеристики женщин высокого социального статуса содержатся в общих трудах по истории средневековой Абхазии.

Становление отечественной исторической науки относится к 20-м гг. XX в. В 1922 г. вышел «Сборник материалов по истории Абхазии» К. Д.

Кудрявцева – первое монографическое исследование, посвященное исключительно проблемам абхазской истории, в котором автор коснулся вопросов, связанных с деятельностью некоторых высокородных женщин. В изданной в 1925 г. «Истории Абхазии» Д. И. Гулия проследил брачные связи абхазских монархов из династии Леонидов. Излагая политическую историю средневековой монархии, С. М. Ашхацава в своей работе «Пути развития абхазской истории» уделил внимание представительницам правящих династий Абхазского царства, но в части конкретной оценки их деятельности был весьма лаконичен.

В 30-80-е гг. XX в. марксистская методология стала прочной основой научной деятельности советских историков. Исследовательские задачи медиевистов укладывались в рамки определенного, регламентированного набора тем. Политические стратегии царственных женщин редко оказывались в фокусе внимания специалистов. В лучшем случае констатировался факт участия женщин из среды социальной элиты в общественно-политической жизни средневекового государства. Эта тенденция проявилась и в отечественной историографии. В 1959 г. увидела свет монография З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии VI-XVII вв.».¹⁹ Рассматривая деятельность царей из династий Леонидов и Багратидов, специалист затронул и женское окружение правящих монархов. В своем диссертационном исследовании «Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства армянских Багратидов в IX-X вв.» (1967 г.)²⁰ Р. А. Хонелия, опираясь на свидетельства раннесредневековых, прежде всего, армянских авторов, уделил внимание внешнеполитическим контактам Абхазского царства, в том числе и в сфере брачной дипломатии. В монографии «Вопросы этно-культурной истории Абхазии» (1976 г.)²¹ профессор Ш. Д. Инал-ипа особо отметил факт

¹⁹ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми, 1959.

²⁰ Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения абхазского царства и царства армянских Багратидов в IX-X вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ереван, 1967.

²¹ Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

установления брачных контактов между абхазской элитой и династией Комнинов.

Развитие абхазской исторической науки в 90-2000 гг. имело свои особенности, которые во многом были предопределены изменениями в политической и социально-экономической жизни нашей страны на рубеже XX–XXI вв. Абхазские исследователи получили возможность для плодотворной работы. Известный специалист Ю. Н. Воронов во второй главе второго раздела «Очерков истории Абхазии»²² прослеживает династические связи Леонидов, использование инструментов брачной дипломатии в реализации внешнеполитических задач. Автор уделяет внимание представительницам династии Абхазских Багратидов, подробно он остановился на царствовании Русудан, дочери Тамар. Исследование М. М. Гунба «Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI–XIII вв.)» (1999 г.)²³ содержит интересные подходы, ценные наблюдения по политической истории средневековой Абхазии. О царственных женщинах (Гурандухт, Мариам, Тамар) автор упоминает лишь в контексте общего повествования, обеспечивая общеисторический фон и сравнительный ракурс. В работе «Антропонимия абхазов» (2002 г.)²⁴ Ш. Д. Инал-ипа был рассмотрен абхазский царский антропонимикон, в том числе и женский его сегмент. Также вопросы ономастики нашли отражение в монографиях Г. А. Амичба «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии VI–X вв.» (1999 г.)²⁵ «Историческая антропонимия абхазов» (2010 г.)²⁶ Специалист исследовал репертуар династических имен.

Фундаментальный труд «Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии» (2005 г.) принадлежит перу А. Л. Папаскир.²⁷ Исследователь сопровождает свои научные изыскания детальным анализом

²² Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014.

²³ Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI—XIII вв.). Сухум, 1999.

²⁴ Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп, 2002.

²⁵ Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии VI–X вв. Сухум, 1999.

²⁶ Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010.

²⁷ Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. Сухум, 2005.

историографии, активно полемизирует с грузинскими историками, в частности, по вопросу этнической принадлежности второй супруги киевского князя Изяслава Мстиславича, которая, согласно сообщениям русских летописей, была родом из Обез.

Труды грузинских медиевистов традиционно составляли наиболее востребованную обществом, не только специалистами, но и массовым читателем, часть корпуса книжной научной литературы. Одной из важнейших задач картвелологии являлось (и является) обоснование ведущей роли грузинского этноса и государства в Закавказье, в том числе в истории создания и развития Абхазского царства. Грузинские исследователи исходили из того, что правящие дома Леонидов и Абхазских Багратидов «однозначно представляли общегрузинский государственный и культурно-политический мир».²⁸ Следуя в русле подобных установок, они рассматривали венценосных женщин, принадлежавших к династии Абхазских Багратидов, как цариц объединенной Грузии. В грузинской историографии особое внимание уделялось изучению периода правления царицы Тамар, с именем которой традиционно связывается «золотой век грузинской государственности». В трудах С. Н. Джанашия, П. И. Ингорюк, К. С. Кекелидзе, С. Н. Какабадзе, Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, М. Д. Лордкипанидзе, В. В. Абашмадзе, А. Киквидзе, И. П. Антелава, Ш. А. Месхи, В. Гургенидзе, Дж. Степнадзе, Г. Гвинчидзе и др., посвященных исследованию государственного строя, политической и социально-экономической истории царства Багратидов эпохи развитого средневековья, нашли отражение различные аспекты деятельности Тамар. Вслед за М. Г. Джанашиви, еще в 1900 г. опубликовавшим монографию «Царица Тамар», под аналогичным названием вышла в свет работа Р. В. Метревели «Царь Тамар (политико-культурный и социально-экономический обзор эпохи)» (1991)²⁹. Следует отметить, что тема

²⁸Папаскири З. Абхазия и абхазы в общегрузинском этнокультурном и политико-государственном пространстве. Кавказ & Глобализация. Том 2. Выпуск 2. Часть 1. Баку. 2008. С. 133.

²⁹Метревели Р. В. Царица Тамар: Политико-культурное и социально-экономическое обозрение. Тбилиси, 1991. (на груз. яз.)

Тамар в грузинской советской историографии была излишне апологизирована, а работы часто носили дескриптивный характер и лишены проблемного анализа. Две специальные статьи, в которых освещены жизненный путь и деятельность царственных женщин с именем Русудан, тетки и сестры царицы Тамар, принадлежат Дж. Степнадзе³⁰ и В. Д. Дондуа.³¹ Интерес представляют работы И. М. Нодия, посвященные царевне Марфе (Марте) – императрице Марии.

Обширной литературой обросла тема «Невесты из Обез». Происхождение супруги одного из князей Рюриковичей, Изяслава Мстиславича, стало предметом острой дискуссии. В работах грузинских специалистов Я. З. Цинцадзе, Ш. А. Месхия, З. В. Папаскири, Г. Г. Пайчадзе, О. Г. Жужунадзе приводились аргументы в пользу того, что в русских летописях сохранилось известие о «русском браке» дочери Дмитрия IV царевны Русудан.³² Указанное мнение не разделялось абхазскими исследователями.

В 90-2000-е гг. традиции грузинской историографии, заложенные еще в предыдущий период, мало изменились. Так, анализ концепций ведущих медиевистов (З. В. Папаскири, Г. В. Цулая, М. Д. Лордкипанидзе) показывает, что все они имели в своей основе конструкцию, узловые детали которой были выкованы грузинской исторической наукой в еще советское время. В части освещения истории Абхазского царства работы грузинских специалистов отличаются политической ангажированностью, субъективизмом, вольностью трактовок.

Современный этап развития исторического знания потребовал от отечественного научного сообщества значительных усилий в выработке новых теоретико-методологических подходов к истории Абхазии, расширения исследуемой проблематики, развития критики источников. В означенный

³⁰ Степнадзе Дж. Тетка Тамар Русудан // Мнатоби, № 7, Тбилиси, 1987. (на груз. яз).

³¹ Дондуа В. Д. Сестра царицы Тамар // Исторические разыскания, I, Тбилиси, 1967. (на груз. яз.).

³² Жужунадзе О. Г. Из истории взаимоотношений Киевской Руси и Грузии в XII в. // Сборник «Из истории украинско-грузинских связей» Т. I, Тбилиси, 1968.

период появился ряд работ, в которых затрагиваются вопросы средневековой истории Абхазии.

В монографическом исследовании И. Ш. Агрба «Абхазское царство и Византия (VIII-X вв.)» (2011 г.).³³ автором сделан ряд новых наблюдений относительно роли Гурандухт в деле воцарения Баграта II.

В 2022 г. вышел в свет труд профессора О. В. Маан «Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII-XVIII вв.)».³⁴ В контексте внешней политики Леонидов и Абхазских Багратидов исследователь рассматривает обстоятельства заключения ряда династических браков.

Значимой для нашего исследования работой является монография академика В. Е. Кварчия «Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин»,³⁵ которая вошла в 5-ый том собрания сочинений автора. В центре внимания специалиста оказались хронология и основные этапы развития средневековой абхазской государственности. В. Е. Кварчия концентрируется на анализе династической политики правящих домов Абхазского царства, посвятив этому вопросу один из параграфов работы. Широко и обстоятельно освещено правление женщин-монархов Тамар и Русудан.

На современном этапе грузинская историография, в частности медиевистика, проявляет значительный интерес к женской проблематике. Следует особо выделить работы А. Микаберидзе, посвященные византийской императрице Марии, в частности статью «Мария-Марта Багратиони в Византии и Грузии» (1998).³⁶ В диссертационном исследовании «Время царствования Святой Благоверной царицы Тамары» (2009) Ф. Асатиани

³³ Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII-X вв.). Сухум, 2011.

³⁴ Маан О. В. Абхазы и внешний мир: этнокультурные, политические и экономические связи (VIII-XVIII вв.). Сухум, 2022.

³⁵ Кварчия В. Е. «Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин». Т. 5 Сухум, 2020.

³⁶ Mikaberidze A. Maria-Martha Bagrationi in Byzanz und Georgien (Bemerkungen zu ihrer Prosopographie im Lichte jungster archaologischer Ausgrabungen) // CAUCASICA, The Journal of Caucasian Studies, vol. I, Tbilisi 1998.

задался целью рассмотреть деятельность женщины-монарха сквозь призму церковно-исторической науки.³⁷ В наше поле зрения попали работы: З. Таргамадзе «Социально-политический статус женщин в средневековой Грузии». (2017), Н. Гамбашидзе «Положение женщин в религиозной жизни Грузии и его особенности» (2017). Диссертация С. Николаишвили «Византия и грузинский мир ок. 900-1210: идеология царствования и риторика на византийской периферии»,³⁸ защищенная в 2019 г. в Будапеште, выгодно отличается от исследований предшествующего периода. В четвертой главе работы автором рассматривается образ царицы Тамар в имагологическом пространстве исторического нарратива. Различные аспекты иконографии Тамар рассматриваются в работах З. Схиртладзе.³⁹

В фокусе внимания американского исследователя Энтони Истмонда⁴⁰ оказались особенности репрезентации царской власти в государстве Абхазских Багратидов. Согласно Э. Истмонду, художественные средства являлись важной частью «сценария власти», призванного возвеличить монарха, а в случае с Тамар приобрели индивидуальную манеру и стиль, служили средством пропаганды легитимации женщины-монарха.

Следует отметить работу австралийской исследовательницы Линды Гарланд «Византийские императрицы: женщины и власть в Византии»,⁴¹ в которой рассматривается деятельность наиболее ярких представительниц высшей аристократии империи с VI по XII в., среди которых и биографический очерк, посвященный императрице Марии (Марфе).

Отдельные аспекты рассматриваемой темы нашли отражение в работах А. В. Акопяна, С. Б. Ашурбейли, Х. С. Бгажба, О. Х. Бгажба, З. М. Бунятова,

³⁷ Протоиерей Фридон Асатиани. Время царствования Святой Благоверной царицы Тамары. Специальность: Истории Поместных Православных Церквей / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад. 2009.

³⁸ Nikolaishvili Sandro, *Byzantium and the Georgian World c. 900–1210: Ideology of Kingship and Rhetoric in the Byzantine Periphery*. Doctoral Dissertation. Budapest, 2019.

³⁹ Skhirtladze Zaza. *Another Portrait of Queen Tamar? // Anadolu Kültürlerinde Süreklilik ve Değişim* Dr. A. Mine Kadiroğlu'na Armağan. Ankara, 2011.

⁴⁰ Eastmond A. *Royal Imagery in Medieval Georgia*. Pennsylvania State University Press, 1998.

⁴¹ Garland L. *Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, AD 527-1204* / L. Garland. London - New York, 1999.

Ж.-Ф. Ваннье, А. Ю. Виноградова, Г. Д. Гумба, Г. А. Гусейн-заде, архимандрита Дорофея (Дбар), Д. З. Капанадзе, Д. Кунтуракиса, А. Л. Макаровой, С. Н. Малахова, Е. А. Пахомова, Р.Т. Принке, Г. Д. Тогошвили, В. А. Чирикба, С. М. Шамба и др.

Вторая глава **«Женщина и власть: социально-политический статус абхазских цариц и царевен»** состоит из пяти параграфов. В первом параграфе **«Матримониальные возможности царственных вдов»** рассмотрена роль представительниц высшей аристократии в деле легитимации власти монарха. Статус царственной вдовы давал возможность женщине стать непосредственным участником политической игры, принимать важные решения. Анализ источников по истории Абхазского царства показывает, что не раз супруга покойного монарха становилась ключевой фигурой политики в ситуации престолонаследия. В течение IX в. дважды восшествие на абхазский престол было сопряжено со вступлением в брак с вдовой предшественника. Жена царя Георгия I после смерти венценосного супруга организовала заговор, в результате которого законный наследник престола, сын Дмитрия II, был убит, а его младший брат бежал в Византию. Абхазская корона перешла к Иоанну Шавлийскому (Шавлиани), второму супругу царицы. Сын последнего Адарнасе пал от руки Баграта, вернувшегося в Абхазию после вынужденного двадцатилетнего пребывания в Константинополе. Занявшему трон при помощи византийцев, Баграту I, даже при наличии приверженцев из числа местной знати для укрепления позиций потребовалось включение дополнительных механизмов легитимации власти. Он заключил брачный союз с вдовой предшественника, представительницей дома Таойских Багратидов, дочерью Гуарама Мампала.

Истоки сформировавшегося в области матримониальных отношений средства, обеспечивавшего легитимность перехода власти от одного правителя к другому, характерного для многих политий древности и средневековых государств, следует искать в архаических традициях, прежде всего в институте левирата. С принятием христианства соответствующие

фрагменты Священного Писания позволяют переосмыслить этот брачный обычай. Со страниц библейского текста система левирата удачным образом встраивается в средневековый династический уклад и, обретая нормативную мощь, делает возможным и допустимым узаконивание царского статуса посредством брака с вдовой монарха.

Таким образом, матримониальные возможности царственных вдов позволяли составлять неожиданные наследственные комбинации. Повторные браки знатных женщин причудливо переплели ветви династического древа Леонидов. В период правления Абхазских Багратидов случаев вступления вдовствующей царицы в новый брачный союз не зафиксировано.

Во втором параграфе **«Материнское регентство и соправительство»** иллюминирована область возможностей высокородных женщин в политической сфере в период выполнения ими роли опекунов (регентш) или соправительниц. В течение второй половины 70-х гг. X в. политический кризис в Абхазском царстве был разрешен вступлением в действие матрилиатеральной традиции: когда в отсутствие прямых безусловных наследников по мужской линии трон наследовался мужскими представителями по женской линии, т. е. призывалось потомство от представительниц правящего рода, отданных замуж за рубеж. Сын абхазской царицы Гурандухт от брака с тао-кларджетским династом Гургеном Багратиони был возведен на престол в Абхазском царстве. Деятельность матери первого представителя династии Абхазских Багратидов – яркий пример активного участия женщины в политической истории государства. Стабильность и единство Абхазского царства не в последнюю очередь зависели от позиции этой сильной, волевой и, судя по всему, весьма амбициозной женщины. Для Баграта II генеалогическое родство с Леонидами по материнской линии выступало юридическим обоснованием прав на осуществление верховной власти в Абхазском царстве. Это обстоятельство обеспечило Гурандухт особую роль в системе монархии, с титулом «госпожи-матери». Пара сын/мать, неоднократно мобилизуемая в репрезентациях

царской власти, иллюстрировала сопряжение двух династий – Леонидов и Абхазских Багратидов. В своих политических притязаниях Гурандухт смогла опереться на устойчивую государственно-правовую традицию, существовавшую в Абхазском царстве – институт соправительства. Она стала первой женщиной-сопребстольницей абхазского монарха, тем самым создав важный исторический прецедент.

В 20-х гг. XI в. источниками вполне определенно фиксируется небывалый всплеск политической активности вдовствующих цариц, Мариам и Алды, соответственно первой и второй супруг царя абхазов Георгия III. К моменту ухода из жизни последнего его сыновья были совсем юными. Абхазское царство впервые столкнулось с ситуацией, более никогда не повторившейся, когда на престол взошел малолетний правитель – Баграта III было всего девять лет. Младший сын Георгия III от аланки Алды, Дмитрий, находился в младенческом возрасте. Между тем проблема реального осуществления властных полномочий требовала решения. Их исполнение могло быть возложено на ближайшего родственника монарха, в данном случае эту ответственную миссию взяла на себя мать Баграта III – Мариам. Аналогичные функции в отношении царевича Дмитрия, проживавшего в Анакопии, выполняла его мать Алда. Обеими вдовствующими царицами в период малолетства сыновей принимались важнейшие политические решения, связанные с заключением договоров с соседними государствами, установлением брачных союзов, передачей суверенитета. Судя по всему, и Мариам, и Алда отказались от повторного брака, следуя семейным интересам и стремлению сохранить власть для сыновей.

Царица Мариам на протяжении всего царствования Баграта III оставалась одной из самых активных и влиятельных политических фигур. На основании уже имевшегося прецедента, особого положения Гурандухт в период царствования Баграта II, участие вдовствующей царицы в управлении государством, на наш взгляд, осуществлялось в форме соправительства. В правящем тандеме де-юре царица-мать являлась младшим правителем. Если

исполняющая функции регента мать монарха – «всего лишь своего рода «депозитарий» властных прав малолетнего наследника»,⁴² то соправительница наделена широкими полномочиями на длительную политическую перспективу. Как показывают исследователи, вдовы нередко репрезентировались в качестве символа правящего дома, самостоятельно или совместно с сыном-правителем. Политический вес матери правящего монарха и его сопрестольницы явно превышал возможности супруги монарха. Материнское соправительство — пик политической карьеры абхазских цариц.

В третьем параграфе «**Абхазские царевны как опекуны наследников престола**» рассматривается важная функция представительниц правящих династий Абхазского царства. Традиция, согласно которой сестры абхазских монархов принимали участие в воспитании наследников престолов, прослеживается вполне определенно. Дочери абхазских монархов особо выделяются повествователями и неизменно именуются ими царицами, причем как до, так и после замужества, даже если их супруг не являлся обладателем царского титула. Абхазские царевны действуют в пространстве летописания не только как дочери, сестры или супруги правителей, но прежде всего как мудрые наставницы отпрысков правящего монарха. Интересно, что высокородные женщины выступают опекунами как племянниц, так и племянников. Выбор в качестве пестуньи юной царевны сестры отца выглядит вполне оправданно. Назначение же тетки покровительницей царственного племянника ставит вопрос о детерминированности данного решения. Логично предположить, что наследнику престола одновременно назначались два воспитателя, заменявших ему родителей. Для соблюдения баланса сил и интересов материнские обязанности по отношению к наследнику брало на себя лицо, связанное с ним кровным родством, его тетка по отцу. Абхазские царевны оказывали покровительство племянникам не только в период

⁴² Зайцева Т.И. Статус вдовы правителя в придворном пространстве Германии и Франции (по материалам современной гендерной медиевистики) // Адам и Ева. 2019. Вып. 27. С. 191. <https://roii.ru/r/3/27.7>

малолетства, но и в зрелом возрасте. Наравне с воспитателем-мужчиной они выступают руководителями их первых шагов на политическом поприще. После вступления воспитанника на престол его наставница приобретала особые привилегии, входила в ближний круг молодого монарха, становилась его советником. Первое сообщение о назначении абхазской царевны опекуном наследника престола относится к 50-м гг. XI в.: сестре Баграта III, Гурандухт, была поручена забота о племяннике Георгии. Сестра царя Дмитрия IV именуется наставницей Георгия V, в свою очередь сестра последнего, Русудан, вырастила своих племянниц Тамар и Русудан. Источники называют ее воспитанником и Давида Сослана, супруга царицы Тамар. Наставницей отпрысков царственной четы Тамары и Давида Сослана стала сестра государыни. Дочь царицы Тамар, Русудан, была назначена воспитательницей бастарда Георгия VI Лаши, Давида.

Политический статус царевен, их роль как воспитательниц (опекунов) наследников престола – одна из особенностей абхазской монархии. Привилегированное положение женщин правящей семьи проистекало как из пережитков материнского права, так и из династических причин. Поскольку, согласно источникам, порядок престолонаследия, действовавший в Абхазском царстве, предполагал возможность наследования не только по прямой, но и по коллатеральным линиям, престол мог перейти как к старшему сыну монарха, так и к его братьям и племянникам, в том числе сыну сестры. К примеру, абхазская корона была унаследована Багратам Багратиони от дяди по матери, Феодосия III. Передача на воспитание своей сестре наследников престола позволяла монархам исключить возможность передачи прав на престол по материнской линии. Взятая опеку над племянником или племянницей тетка по отцу заменяла им мать. В случае ранней смерти монарха, при восшествии на престол юного наследника (наследницы), наиболее желательным виделся сценарий, при котором его опекуном или соправителем являлась бы представительница правящего рода. Именно он был реализован при воцарении Тамар.

Можно сделать вывод о том, что царственные особы: матери, супруги и дочери абхазских монархов располагали весьма обширными социальными капиталами. Играя важную роль в установлении политических связей, трансляции власти, передаче «крови», они имели возможность достаточно активного участия в управлении страной не только в форме негласного влияния, «закулисных» интриг, но и в виде соправительства или опекуна.

В четвертом параграфе «**Царственные монахини**» рассмотрены роль и место высокородных женщин в религиозной жизни Абхазского царства церкви. Религия была существенной составляющей жизни средневекового общества, во многом определявшей психологию и мировоззрение людей. Жизнь в монашестве была одной из сфер социальной реализации женщин. Источники сохранили известия о монашеских подвигах исключительно представительниц правящих домов Абхазского царства. Можно говорить о нескольких наиболее распространенных мотивах для принятия ангельского образа знатными женщинами. Первый – это распад семьи: царственная особа отправлялась в монастырь, освобождая монарху место для более выгодного династического союза. Правители отсылали своих неугодных жен в обитель под предлогом супружеской измены или стремления последних к монашеской жизни. Постриг в таких случаях мог быть принудительным. Второй распространенный мотив принятия иноческого обета – вдовство. Третий – преклонные лета также становились одной из побудительных сил, подводившей женщину к намерению «уневеститься Христу». Четвертая возможная причина – альтернатива браку для царских дочерей. Судя по всему, восприятие ангельского образа незамужними представительницами правящей династии в Абхазском царстве было редким явлением. Нельзя исключать, что ряд царственных женщин могли принять монашеские обеты на смертном одре. На основании данных источников можно утверждать, что для женщин возможны были разные формы монашества. Наряду с традиционной – нахождение в обители – не исключался иной вид монашеского бытия – несение обета вне монастырских стен. Эта форма религиозной жизни

подходила царственным особам, принимавшим активное участие в политической жизни.

Для воплощения в жизнь религиозного рвения царицами-монахинями были избраны различные модели служения: аскетические труды (Анастасия), основание и духовное руководство обителью на посту игуменьи или аббатисы (Марфа (Мария), первая супруга царя Давида Возобновителя, Тамар), эвергетизм (Мариам, первая супруга царя Давида Возобновителя), общение с отцами церкви, религиозными деятелями (Мариам, Марфа (Мария)). Монашеский статус давал возможность высокородным женщинам найти применение своим интеллектуальным и административным способностям. Даже после принятия обетов представительницы знати поддерживали контакты со своей прежней средой, обладая высоким социальным статусом, имели большое влияние на общество. Они являлись важными посредниками между светскими и духовными властями в Абхазском царстве, налаживали контакты с высшими иерархами церкви за пределами государства и даже брали на себя дипломатические функции. Деятельность знатных женщин на церковной ниве не была ограничена пределами Абхазского государства. Сохранились сведения о поддержке обителей и основании монастырей за рубежами царства Абхазских Багратидов.

Образы цариц и царевен, выбравших монашеское служение, на страницах исторических и агиографических сочинений несут исключительно положительную семантику. Их облик был идеализирован и подчинён христианским представлениям о праведности. Образы знатных монахинь демонстрировали набор добродетелей, исходя из особенностей женского религиозно-нравственного идеала эпохи, востребованных в рамках средневекового социума. Их жизнь и духовные подвиги призваны были стать определенным нормативом для остальных женщин. Личный пример религиозного благочестия обладал силой морального воздействия на население, которое было склонно воспринимать представителей правящей династии как образец для подражания. Духовенство стремилось включить в

число почитаемых церковью святых царского происхождения ввиду особой роли в насаждении идей и институтов христианской церкви. Существует большая вероятность того, что царственная особа, представительница династии Леонидов, Анастасия (в схиме), мирское имя высокородной женщины при письменной фиксации искажено, почиталась абхазской церковью в лике святой. Величественный подвиг монашества царской особы, ее посмертная слава, неиссякаемый поток паломников к ее гробнице за чудом исцеления – это образ Анастасии, представленный в сочинении Георгия Мерчуле, точно укладывается в рамки канонического образа святой. Благодаря духовному авторитету и личному благочестию знатных монахинь, представительниц правящих династий, царская власть поднимала свой престиж и могла рассчитывать на поддержку как церковных кругов, так и широких масс населения.

В пятом параграфе **«Женские имена из антропонимикона царских династий Аносидов-Леонидов и Абхазских Багратидов»** анализируется стратегия имянаречения правящих домов Абхазского царства. Средневековое правосознание установило довольно четкую связь между именем и принадлежностью к царскому роду. Последовательное воспроизведение имен являлось отражением идеи преемственности, непрерывности самой династической традиции и обеспечивало единство рода. Причем данное обстоятельство касалось как мужской, так и женской части царского антропонимикона. Имя царевны должно было актуализировать историю династии, вызывать ряд ассоциаций политического свойства. Женская часть антропонимикона дома Аносидов-Леонидов представлена только одним именем – Гурандухт. Самой известной его носительницей была дочь царя абхазов Георгия II и сестра сразу трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. Имя Гурандухт неоднократно воспроизводилось Абхазскими Багратидами. Престижность его объясняется совершенно особой ролью в политической жизни государства матери основателя династии Абхазских Багратидов.

В XI в. женский локус ономастикона Абхазских Багратидов включал в себя, помимо имени Гурандухт, имена Марфа (Марта), Мария (Мариам), Ката. В конце указанного столетия репертуар царского именовслова Абхазских Багратидов демонстрирует зарождение новых тенденций. В мужскую часть антропонимикона вводится имя Давид, в женскую же часть привносится имя Тамар (Фамарь). Пополнение именника Абхазских Багратидов можно считать своеобразным индикатором «культурного сдвига», происходившего под влиянием конкретно-исторических обстоятельств. Имя (Фамарь) Тамар прочно утвердилось в женском локусе царского ономастикона, заметно потеснив родовые имена. Позднее в него было введено и имя Русудан, восходящее к номинации персидского происхождения Равшанак или Роушанаван («чистая», «лучезарная», «светлая душа»), однокоренного со словом «роушангар» (просветитель). Соотнесенность с эпитетами «свет», «светлый» придавала имени мощную положительную смысловую и эмоциональную окраску.

Абхазские царевны никогда не получали имени матери, но наследовали имена теток по отцовской линии. Номинацию в честь бабки царевна получала только в том случае, если последняя принадлежала к династии Абхазских Багратидов, например, дочь царицы Русудан носила имя Тамар. Запрет на наречение именем живого предка по мужской линии не распространялся на представительниц женской части рода.

Жены царей абхазов фигурируют в источниках чаще всего под своими мирскими, а не крестильными именами: Алда, Борена, Бурдухан. Без сомнения, перед вступлением в брак невесты абхазских монархов, приняв обряд крещения, иногда, вероятно, повторно получали традиционные христианские имена из антропонимикона Абхазских Багратидов, как это было в случае с половецкой княжной, супругой Давида I Возобновителя. Но очевидно, что при дворе и в бытовом обиходе в качестве публичных использовались некрестильные имена цариц.

Третья глава «**Женский фактор**» в брачной дипломатии Леонидов и **Абхазских Багратидов**» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе «**Брачные стратегии династии Леонидов**» рассматриваются матримониальные контакты царей абхазов с правящими домами государств Кавказа в IX-X вв. С провозглашением независимости Абхазское царство как субъект международных отношений развивало политические связи с разными странами и народами, в том числе и посредством заключения брачных союзов. Для представительниц высшей аристократии династический брак был одним из механизмов доступа к власти.

Линия многочисленных брачных союзов представителей правящих домов Абхазского царства и Тао-Кларджетии началась в IX в., и вплоть до конца X в. это направление оставалось приоритетным. На первом этапе сближение Абхазского царства и Тао-Кларджетии было обусловлено противодействием общей угрозе в лице арабов. Однако в условиях нестабильной политической обстановки в регионе матримониальные альянсы далеко не всегда себя оправдывали. Имевший далеко идущие последствия для судеб абхазской короны брак был заключен между дочерью царя Георгия II, Гурандухт, и представителем дома Багратионов Тао, Гургеном. В этом союзе был рожден основатель династии Абхазских Багратидов – Баграт II.

К 80-м гг. IX в. следует отнести установление брачных контактов между Леонидами и Армянскими Багратидами: неизвестная по имени абхазская царица была выдана замуж за Мушега (Мушела), сына Смбата I. Брачные контакты между правящими домами Абхазского и Армянского царств стоит рассматривать в рамках курса на сближение с Византией, проводимого Смбатом I. Леониды в указанный период являлись союзниками империи, отметим, что последняя способствовала приходу к власти Баграта I. Кроме того, к поддержанию добрососедства с Абхазским царством армянского монарха должна была подталкивать и агрессивная политика Саджидов. В начале X в. отношения между Абхазским и Армянским государствами омрачились соперничеством за преобладание в Картли, вылившимся в

вооруженное противостояние. По разрешению конфликта стороны подписали мирный договор, который был скреплен еще одним матримониальным альянсом между представителями двух правящих династий.

Ко второй половине X в. относится заключение брака абхазской царевны, дочери Леона III, с сыном правителя (хорепископа) Кахетии. С конца IX в. во главе княжества стоял род Аравманелов. Брачные контакты между Абхазским царством и Кахетией продолжения не имели.

Благодаря целой серии брачных альянсов в IX-X вв. царям абхазов удалось не только встроиться в систему междинастических связей на Кавказе, но и занять лидирующие позиции в регионе. Матримониальные контакты Леонидов с некоторыми из правящих домов соседних государств могли перерасти в традиционные, закрепляться и развиваться, как в случае с Багратионами Тао, другие же аристократические семейства выпадали из брачных расчетов царей абхазов, надо полагать, вследствие медиатизации. Стоит отметить, что политические цели, ради которых заключались брачные союзы, не всегда удавалось претворить в жизнь.

Второй параграф **«Византийское направление династических связей»** посвящен взаимоотношениям Абхазских Багратидов с империей в сфере брачной дипломатии.

При исследовании основных направлений династических контактов Абхазских Багратидов следует особо выделить матримониальные связи с державой ромеев. Византийская империя в значительной степени отличалась от других средневековых государств, а династические браки рассматривались несколько в ином ключе как элитой, так и широкими слоями общества. Господствующая политическая доктрина не поощряла установление матримониальных связей между державой ромеев и иностранными государствами. Вплоть до конца XI в. международных династических союзов с участием членов императорских семейств было совершено относительно немного.

Царство Абхазских Багратидов неизменно входило в орбиту матримониальных расчетов Константинополя. Его правители также обнаруживали стремление к установлению родственных отношений с императорской фамилией. Представления об особом положении державы ромеев, величии и богоизбранности ее правителя были глубоко укоренены в восточно-христианском мире, поэтому брак с членом императорской фамилии относился к числу престижных, равной, если не повышающей, знатности. Посредством матримониальных союзов с представителями правящей элиты Византийской империи монархи из династии Абхазских Багратидов рассчитывали на успешное разрешение не только внешнеполитических, но зачастую и внутривосточных проблем.

Впервые брачные узы связали представителя дома Абхазских Багратидов с Византией в начале 30-х гг. XI в., когда император Роман III Аргир выдал свою племянницу Елену замуж за царя Баграта III.⁴³

Все более усиливавшаяся угроза со стороны тюрок-сельджуков как для Абхазского царства, так и для империи подталкивала обе стороны к военно-политическому сотрудничеству. В условиях сокращения военных ресурсов византийцев на этом направлении и нарастающей деградации армии царь абхазов представлялся важным союзником в борьбе с сельджуками. Взаимная заинтересованность сторон способствовала успеху брачных проектов. Значительным событием надо признать заключение брака между дочерью царя абхазов Баграта III, Марфой (Мартой) и представителем династии Дук. Абхазская царевна сыграла важную роль в политической жизни Византии, биографии и личной жизни трех императоров. Она способствовала интенсификации контактов Абхазского царства с державой ромеев, возможно, имела отношение к организации нескольких династических браков.

С превращением царства Абхазских Багратидов в панкавказскую державу его отношения с Византией переходят на новый уровень. Особо

⁴³ Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum // Corpus fontium historiae byzantinae. V. 5. Berlin, 1973. P. 377.

интенсивным и результативным взаимодействием в сфере брачной дипломатии между державой ромеев и царством Абхазских Багратидов было в период правления императоров из династии Комнинов: в течение 10-х гг. XII в. были заключены сразу два брачных союза.

Представительниц правящих династий Абхазского царства, выдаваемых замуж за рубеж, сопровождала значительная свита, в ее составе находились и девушки из знатных семейств, которые в дальнейшем входили в ближний круг общения венценосной особы. Молодые аристократки, отправившиеся в Константинополь вместе с абхазской царевной, нередко составляли завидные партии. Заключение брака с особой из окружения невесток Комнинов виделось весьма перспективным даже для представителей таких знатных фамилий, как Керуларии, Контостефаны, Палеологи. В свою очередь, установление родственных отношений с высшими сановниками империи было выгодно и правящим кругам царства Абхазских Багратидов.

В третьем параграфе **«Матримониальные союзы абхазских царевен с иноверцами»** анализируется брачная стратегия Абхазских Багратидов в отношении мусульманских правящих династий. По мере расширения границ Абхазского царства на Восток отношения с исламским миром укреплялись, становились более интенсивными. Взаимодействие с правителями мусульманских государств вызвало к жизни необходимость заключения договоров, подкрепленных установлением родства. С XII в. в брачные расчеты Абхазских Багратидов прочно входят мусульманские династии, правившие соседними государствами. Одним из контрагентов Абхазского царства являлось государство ширваншахов. Между 1106-1111 гг. брачные узы связали старшую дочь Давида I Возобновителя Тamar с представителем правящей династии Ширвана. Впервые вразрез с матримониальными традициями дома Абхазских Багратидов абхазская царевна стала супругой иноверца. Брак был удачным, Тamar пользовалась большим влиянием при ширванском дворе в период правления супруга. Возможно, один из ее сыновей стал родоначальником абхазского княжеского дома Чачба (Шервашидзе).

Династические контакты Абхазских Багратидов со странами ислама имели продолжение при царе Дмитрие IV. Две его дочери стали супругами мусульманских правителей. Одна из них, неизвестная по имени абхазская царица, была выдана замуж за правителя Дербента – эмира Абу-л-Музаффара. Дербент был важнейшей политической единицей Восточного и Северо-Восточного Кавказа. Он являлся центром международной сухопутной караванной и морской торговли, посредником в экономических контактах между странами Востока и Западом, здесь хорошо были развиты многие виды ремесленного производства. Вероятно, не последнюю роль в заключении брачного союза абхазской царицы с Аглабидом сыграли перспективы взаимовыгодного сотрудничества Абхазского царства и Дербента в сфере экономики. Другая дочь Дмитрия IV, Русудан, именованная мусульманскими авторами «Абхаз-хатун», дважды побывала замужем за представителями династии Сельджукидов. Ее первым супругом был Гият ад-Дин Масуд, вторым – Сулейман-шах. Оба они являлись правителями Иракского султаната.

Надо полагать, что брачные союзы абхазской царицы с Сельджуками были призваны снизить напряженность в отношениях двух государств. Кроме того, они способствовали повышению авторитета Абхазских Багратидов как на международной арене, так и среди своих подданных, прежде всего, мусульман, составлявших значительную часть населения крупных городских центров в восточной части царства. Еще один брак между абхазской царицей и Сельджукидом, правителем Румского султаната, был заключен перед лицом монгольской угрозы, в 40-х гг. XIII в. Необходимо отметить, что одним из ключевых условий Абхазских Багратидов при заключении брачных сделок с иноверцами было сохранение за абхазскими царицами права оставаться в лоне христианской церкви. Родственные отношения между христианскими и мусульманскими правителями способствовали формированию религиозной толерантности, прежде всего, в элитарной среде. Политические дивиденды,

которые сулили межконфессиональные браки, несколько оттеняли нарушение религиозных канонов.

В четвертом параграфе **«Брачные контакты Абхазских Багратидов с Русью»** рассматривается концепция уникального брачного маршрута.

В 1153 г. киевский князь Изяслав Мстиславич вступил в брак с высокородной особой из Обез. Этому событию, засвидетельствованному только русскими летописцами, посвящена обширная литература. Реконструкция целей и намерений участников этой брачной сделки сопряжена с большими сложностями. Союз со знатной особой из Обез шел вразрез с матримониальными стратегиями Мстиславичей, а географическая отдаленность основных политических центров Абхазского царства от Киева, на первый взгляд, должна была служить значительным препятствием для сближения двух династий. Выявление стимула к заключению данного брачного альянса становится возможным, если рассматривать его как часть большой политической игры, в центре которой находился Андроник Комнин. Брак Изяслава с высокородной женщиной из Обез был задуман и осуществлен на фоне византийско-венгерской войны и заговора против византийского императора Мануила Комнина. Весьма желательным выглядело установление между участниками политического сговора родственных отношений. Одним из возможных путей реализации этого плана мог стать брачный проект, связанный с женитьбой шурина венгерского короля, недавно овдовевшего киевского князя Изяслава, на представительнице династии Абхазских Багратидов. Такой брачный альянс позволял соединить родственными узами сразу несколько правящих домов: Абхазских Багратидов, Рюриковичей-Мономашичей, Арпадов и Комнинов, реальных и потенциальных участников коалиции в поддержку Андроника. Вероятно, Абхазские Багратиды желали видеть во главе империи своего родственника и оказывали поддержку его планам, в том числе посредством согласия на заключение брака представительницы династии с одним из участников коалиции в его поддержку. Всего через несколько месяцев после заключения брака киевский

князь скончался. Об участии его вдовы источники ничего не сообщают. На Руси действовал неписанный запрет на брак с вдовой князя Рюриковича. Учитывая указанную специфику русского династического обихода, перспективы повторного вступления в брак с кем-либо из Рюриковичей у вдовы Изяслава не было. Скорее всего, она покинула Русь и вернулась на родину. Если бы в основе брака киевского князя с обежанкой лежали долгосрочные политические перспективы, то были бы найдены возможности для повторения брачного маршрута. Ни одна из абхазских царевен в дальнейшем не была отправлена на Русь в качестве невесты для Рюриковича. «Обезский брак» преследовал сиюминутные политические интересы. На наш взгляд, союз киевского князя Изяслава Мстиславича с обежанкой рассматривался как некий инструмент, используемый для скорейшего достижения конкретных политических целей. Вопрос о личности «невесты из Обез» вызывает оживленную дискуссию, но в силу крайней лаконичности летописных свидетельств не может быть окончательно разрешен.

В пятом параграфе **«Браки царей абхазов с тюркскими и аланскими аристократами»** исследуется политическое и историческое значение указанных матримониальных альянсов, связь с военно-политической активностью Абхазского царства. Неоднократно удачные решения в сфере брачной политики способствовали успеху правителей из династий Аносидов-Леонидов и Абхазских Багратидов на внешнеполитической арене и в деле решения внутривнутриполитических задач. Браки же с представительницами тюркских этносов поистине имели важное, если не судьбоносное, значение. Достаточно отметить, что матерью основателя Абхазского царства Леона II являлась дочь хазарского кагана. Следующий брачный альянс с представительницей тюркского этноса был заключен в начале XII в. Давидом I Возобновителем. Амбициозные планы монарха привели к тому, что сеть багратидской дипломатии была закинута в степи. Намереваясь сполна использовать благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, Давид I планировал продолжение активной наступательной политики в надежде на

дальнейшие территориальные приобретения. Он становится инициатором смелой акции – переселения кипчаков на Южный Кавказ. Общепринятой датой этого события считается 1118 г. Осведомленный о переменчивом нраве кочевников, царь понимал, что союзнические отношения с кипчаками в обязательном порядке должны были быть скреплены матримониальным альянсом. Только договоры, основанные на родственных связях, давали перспективы стабильных отношений, поскольку родственные узы были для кочевников священны. Царь вступает в брак с дочерью хана Атрака. Несмотря на то, что кипчачка по степени знатности уступала своему супругу, ничего не указывает на то, что этот союз рассматривался как «брак левой руки». Подчеркивая религиозное рвение супруги Давида I, получившей в крещении имя Гурандухт, историк монарха в определенной степени пытается затушевать негативные аспекты союза со степняками. Конфессиональные различия не способствовали интеграции кипчакской верхушки в состав местной правящей элиты. Кочевники сохраняли свою автономность, полагаясь единственно на родственную связь с правящей династией. О дальнейшей судьбе кипчакской супруги Давида I Возобновителя источники умалчивают. Скорее всего, вдова Давида по традиции удалилась от мира. В «Завещании» царь призывает наследника престола Дмитрия чтить царицу и своих сестер, не исключено, что речь идет не только о старших дочерях монарха Тамар и Кате, но и о дочерях, рожденных в браке с Гурандухт.

Абхазские монархи были заинтересованы в союзнических, взаимовыгодных отношениях с аланами и постоянно заботились об укреплении военно-политического сотрудничества с ними. Весьма велика вероятность того, что интенсивные контакты между представителями абхазской и аланской знати уже в период правления Леонидов дополнялись заключением брачных договоров. Конкретных данных на сей счет, к сожалению, в источниках не сохранилось. Однако известно, что воинские контингенты из Алании были задействованы во внешнеполитических акциях абхазских царей в IX-X вв.

Как видно, союз Абхазии и Алании во многом способствовал успехам военно-политических акций абхазских монархов. Заложенный в период правления Леонидов, он получил продолжение при Абхазских Багратидах. XI-XII вв. отмечены тремя династическими браками представителей правящего дома Абхазского царства с аланками.

Георгий III был женат на аланке Алде. Во второй половине 30-х гг. XI в., после смерти первой супруги, Баграт III сочетался браком с Бореной. В этом союзе родились наследник престола, будущий царь Георгий IV, и две дочери, Марфа и Мария. Самых лестных эпитетов удостоилась супруга Георгия V, царица Бурдухан. Пристальный интерес к ее особе был продиктован тем, что она была матерью Тamar, первой женщины-монарха на престоле царства Абхазских Багратидов. Восхваление Бурдухан являлось составной частью задачи по созданию идеального образа ее дочери.

Дружеские отношения с располагавшим значительным военным потенциалом северным соседом Аланией обеспечивали мир и безопасность царству Абхазских Багратидов, поддержку его правителям в осуществлении активной наступательной внешней политики. Алания прочно занимала одно из важных мест в политических расчетах абхазской дипломатии.

Четвертая глава **«Женщины-монархи на престоле в царстве Абхазских Багратидов»** включает три параграфа. Первый параграф **«Эпоха правления царицы Тamar»** посвящен первой женщине-монарху из династии Абхазских Багратидов.

Само по себе успешное правление женщин-монархов могло быть обеспечено только в том случае, если на протяжении предшествующего периода статус представительниц женской части правящих династий Абхазского царства был высок, а их вовлеченность в дела государственного управления довольно масштабна. Царица Тamar была девятым монархом из дома Абхазских Багратидов. Конец XII – начало XIII в. – время ее правления – стало для царства Абхазских Багратидов периодом государственного могущества, военных побед, расцвета культуры.

В 1178 г. Тамар была провозглашена соправительницей Георгия V, что следует считать ярким проявлением политики закрепления династических прав на престол за женщиной. В Абхазском царстве был введен в действие порядок наследования власти, в основе которого лежал принцип когнатической промогенитуры. В течение шести лет, вплоть до кончины Георгия V, Тамар являлась его сопрестольницей. В 1184 г. она наследовала отцу, пройдя через церемонию интронизации.

Начальный период правления женщины-монарха отмечен несколькими кризисными ситуациями: восстаниями знати (мятеж Кутлу-Арслана), острыми конфликтами в среде духовенства. Уникальная ситуация – нахождение во главе панкавказской державы молодой женщины, к тому же не связанной узами брака – привело к активизации сопредельных государств в сфере брачной дипломатии. Всем претендентам на руку Тамар предпочли русского князя-изгоя Юрия, младшего сына Андрея Боголюбского. Брак был совершен в 1185 г. Через несколько лет этот союз был расторгнут по инициативе Тамар. Уже в 1189 г. венценосица связала себя узами брака с высокородным осетином Давидом Сосланом. Обстоятельства, связанные с устройством браков царицы, послужили катализатором к противостоянию властных элит, как обычно, линия разлома пролегла между «нижними» и «верхними» землями.

Мятеж 1191 г. можно расценивать как один из самых мощных династических кризисов в царстве Абхазских Багратидов. В результате указанных событий произошло укрепление позиций женщины-правительницы. Каждая из группировок знати пыталась взять верх, поддерживая соответственно первого или второго супруга царицы, полагая, что де-факто власть в государстве будет традиционно сосредоточена в мужских руках, Тамар же придется делиться своими функциями с мужем. Но реальность оказалась такова, что соблюсти баланс интересов элит «нижних» и «верхних» земель было возможно только в том случае, если полновластным монархом будет единственно Тамар. Династия Абхазских Багратидов была краеугольным камнем панкавказской державы. Только Тамар как ее

представительница могла быть надежным гарантом соблюдения политического равновесия. В глазах подданных монархическая власть сосредотачивалась в единственном лице – в данном случае в лице Тамар. Уникальность ситуации – нахождение на троне женщины-правительницы – привела к тому, что один из важнейших институтов средневекового государства, институт соправительства, действовал в особом режиме. Следует отметить, что после рождения наследника второй супруг царицы Тамар, Давид Сослан, обрел царское достоинство «*iure uxoris*» («по праву (своей) жены») и стал ее соправителем. Позже власть с царственной четой разделил их сын Георгий Лаша. Активное участие в политической жизни государства в период правления Тамар принимала ее тетка по отцу и опекун Русудан. По данным анонимного автора «Истории и восхваления венценосцев», в 1184 г. после инаугурации Тамар, Русудан «была уравнена» с ней в правах. Наличие у Тамар как действовавшего монарха сразу нескольких соправителей способствовало соблюдению пондерации в царственном семействе и, соответственно, препятствовало возвышению кого-либо из главных действующих лиц политического театра в ущерб положению венценосицы. Государственная система царства Абхазских Багратидов продемонстрировала необходимую гибкость, подстроившись под специфику женского правления. Политическая стабильность была достигнута благодаря своевременному и умелому отрегулированию механизмов «машины власти», формированию консенсуса в среде правящей элиты вокруг фигуры царицы.

Успех правления женщины-монарха был обеспечен и благоприятной внешнеполитической конъюнктурой. В результате войн с Румским султанатом, азербайджанскими и иранскими атабегами были вдвое расширены пределы государства: были усилены позиции в Ширване, приобщены Ани (1199) и Двин (1203), под контролем Абхазских Багратидов оказалась большая часть Армении, осуществлено завоевание Эрзерума (1205) и Карса (1206–1207). При военной поддержке Тамар Алексей Комнин и его брат Давид на обломках Византийской империи основали новое государство –

Трапезундскую империю, которая долгие десятилетия являлась союзником абхазской короны в Малой Азии. К началу XIII в. государство Абхазских Багратидов становится ведущим политическим игроком на Ближнем Востоке.

Во втором параграфе **«Репрезентация Тамар – женщины-монарха в религиозной и светской культуре»** анализируются приемы репрезентации женщины-монарха в исторических, литературных и визуальных текстах. По мере расширения пределов государства вопросы сохранения политического единства, укрепления центральной власти, повышения престижа правящего дома выходили на передний план. Стратегия репрезентации монарха была в достаточной степени разработана и воспроизводилась не одним поколением представителей правящих династий Абхазского царства. Но многие традиционные ритуалы, символы и метафоры, включение которых происходило автоматически, по обычаю, в отношении правителя-мужчины, с восшествием на трон женщины требовали дополнительной оснастки, новой аргументации, приспособления привычных образных сравнений под фигуру венценосицы. Женскому правлению была необходима мощная идеологическая поддержка.

Инаугурация Тамар прошла по распорядку, предусмотренному для коронации монарха-мужчины. При организации церемонии интронизации женщины-монарха пришлось адаптировать привычный набор образных средств к не вполне обычной ситуации. Так, вручение Тамар меча символически «маскулинизировало» вступающую на престол правительницу.

Для укрепления авторитета женщины-правителя были задействованы придворные историки, поэты, теологи. Надо полагать, что центральная власть покровительствовала панегиристам, намеренно и целенаправленно конструировала «золотой век» с помощью повествовательных и поэтических сочинений. Тщательно организованная пропаганда имела целью убедить подданных короны, прежде всего представителей высших эшелонов общества, в способностях женщины-монарха к управлению. Неслучайно исторических и литературных сочинений, созданных в царствование Тамар, сохранилось

больше, чем от времен ее предшественников. Тамар – единственный монарх из династии Абхазских Багратидов, чье правление описано в двух исторических сочинениях, включенных в летописный свод «Жизнь Картли».

В изображении энкомиастов Тамар – монарх, обладающий всей полнотой власти и огромным авторитетом. Восхваляя царицу как идеального правителя, панегиристы подчеркивали ее благородное происхождение, ссылались на библейскую генеалогию Багратидов. Рассуждая о царском достоинстве, священном характере монаршей власти, положении венценосицы в христианском мире, авторы использовали метафоры и символы, характерные для презентации правителя-мужчины. Легализация женщины-монарха происходила через отсылки к образу мужчин, прежде всего, ее отца, Георгия V, а также риторическим фигурам. Тамар сравнивают с великими правителями древности, в том числе с императором Константином.

Образ Тамар как успешного царя утверждался не только с помощью хвалебных нарративов, но и с помощью средств визуализации: фресковой живописи, эпиграфики, нумизматики. Важным инструментом пропаганды царской власти являлось церковное искусство. Во время правления Тамар демонстрация династической легитимности была крайне необходима, что обусловило появление монументального царского портрета, изображающего монарха с непосредственными предшественниками и наследниками. Женское правление потребовало введения дополнительного визуального языка, который представлял царицу со всеми атрибутами правителя-мужчины и оправдывал бы ее статус и исключительное право на власть.

Набожность, была важным компонентом царского образа, и, вероятно, публичная демонстрация этой христианской добродетели значительно укрепляла репутацию венценосной особы. Нарраторы подчеркивают благочестие и смирение царицы, уважение к духовенству. Тамар позиционируется как покровительница церквей и монастырей, иноков и святых мужей, неоднократно именуется «столпом веры». Особо отмечается

летописцами постоянная забота царицы о подданных: она раздает милостыню, защищает вдов и сирот.

Создание востребованного и эффективного имиджа женщины-монарха во многом состоялось благодаря удачному сочетанию фемининных и маскулинных качеств, умелому манипулированию гендерными стереотипами в политическом образе. Например, действия женщины-монарха на внешнеполитическом поприще описываются аналогично совершаемым правителем-мужчиной, Тамар ассоциируется с военными победами, расширением пределов государства. Вместе с тем панегиристы прославляют ее как верную жену, заботливую мать, богомолку и рукодельницу, изображают царицу за обычными для высокородной женщины занятиями.

Средневековые историографические и агиографические нарративы склонны подчеркивать женскую слабость и нередко используют женоненавистнический и гендерно тенденциозный тон при изображении сильных женщин, тексты же, посвященные Тамар, демонстрируют обратное. Царица именуется «помазанницей Божьей», хриstopодобной правительницей, блюстительницей божественного порядка.

Подданные абхазской короны должны были быть уверены в том, что принадлежность монарха к женскому полу не может быть препятствием к успешному осуществлению верховной власти, поскольку, будучи представительницей царской династии, Тамар наделена божественной благодатью. Чтобы согласовать ее статус царя с принадлежностью к женскому полу, официальная пропаганда раздвинула границы и создала для Тамар особый сакральный образ монарха, пользующегося благосклонностью Спасителя, несущего мир и процветание своим подданным, обладая всем спектром христианских добродетелей.

В третьем параграфе **«Царица Русудан и ее время в средневековых исторических нарративах»** рассматриваются ключевые события царствования второй женщины-монарха из династии Абхазских Багратидов и принципы построения ее образа в письменных источниках.

В 1223 г. царю Георгию VI Лаше наследовала его сестра Русудан. Очевидные успехи царствования Тамар не оставили сомнений в «естественном» праве женщины на престол. Коронация Русудан произошла с согласия знати и духовенства обеих частей государства Абхазских Багратидов. Сообщения источников позволяют утверждать о достаточной свободе царицы Русудан в выборе супруга. Ни один из ее мужей не стал значимой политической фигурой, полностью пребывая в тени женщины-монарха. Несмотря на благородное происхождение, первый супруг Русудан Сельджукид, сын правителя Эрзерума, который ради брака с царицей перешел в христианство, не был допущен к участию в государственных делах и командованию войсками.

Царствование Русудан совпало с серьезным ухудшением международной обстановки. Государству Абхазских Багратидов пришлось противостоять агрессии хорезмийцев, а позже и монголов. В 1230 г. малолетний сын венценосицы был помазан на царство абхазским католикосом. С этого времени можно говорить о соправительстве Русудан и Давида.

Образ царицы Русудан не получил воплощения в композиционно целостных трудах, подобно образу ее матери Тамар. Его очертания проступают сквозь призму конкретных действий женщины-монарха, описания определенных ситуаций, оценок, даваемых ее поступкам летописцами. Суровые реалии первой половины XIII в. лишили интеллектуалов возможности создавать хвалебные жизнеописания монархов. Заметим, что царствование Русудан освещено историческими источниками заметно лучше, чем правление иных монархов-мужчин из династии Абхазских Багратидов. Облик Русудан, сконструированный средневековой историографической традицией, находился в прямой зависимости от тех глобальных политических изменений, которые претерпевал окружающий мир в период ее правления. Вполне закономерно, что в критический для династии период к женщине-монарху не мог быть приложен образ идеального государя. Политическое

фиаско царской власти делало невозможными ее апологию и вообще какое-либо концептуальное обоснование универсалистских притязаний династии Абхазских Багратидов. К Русудан, как и к Тамар, неизменно прилагались мужские титулы «царь» и «царь царей», но, в отличие от матери, она не удостоилась сравнения с Давидом, Соломоном, Александром Македонским или Константином Великим – т. е. положительной оценки для женщины-правителя. Лучшей похвалой в устах хронистов женщине-монарху становилось указание на то, что она осуществляет свои функции подобно мужчине. Женщина могла управлять и, в частности, управлять государством, «по-мужски» хорошо или «по-женски» плохо.⁴⁴ В репрезентации Русудан отсутствует опора на авторитет мужских представителей династии, брата или деда по матери, тогда как образ Тамар неразрывно связан с ее отцом и предшественником Георгием V. Пространство, отведенное царице в тексте нарративов, несравнимо с объемом внимания, которое анонимный автор уделяет мужчинам из ее окружения.

Разочарование, вызванное последствиями вражеских вторжений, а затем и распадом единого государства Абхазских Багратидов, придало образу царицы Русудан очертания реальной исторической персоны. В средневековой историографии крайне сложно найти неидеализированное описание монарха. Существовала некая предзаданность облика правителя, связанный с ним определенный набор представлений и норм. Поэтому оценки успешных властителей, как правило, достаточно стереотипны. Гораздо больше материала для анализа дают описания монархов, в деятельности которых авторы средневековых нарративов видели и положительные, и отрицательные стороны. Киракос Гандзакечи именует царицу «сладолюбивой Шамирам (Семирамидой – Авт. », ⁴⁵ а Ибн Биби считает Русудан «выдающимся правителем». ⁴⁶ Живописуя царицу, автор «Столетней летописи» обыгрывает

⁴⁴ Тогоева О. И. Женщина у власти в средние века и новое время: о понятии «virago». / Диалог со временем. № 31., М., 2010. С. 19.

⁴⁵ Киракос Гандзакечи, История Армении / Перев. с древнеармянского, предис., прим. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 155.

⁴⁶ Öztürk Mürsel, El-Evamiru'l-Alaiyye fi'l-Umuri'l-Alaiyye: Selçuk name. C.1., Ankara, 1996. S. 420-421.

сразу несколько аспектов ее образа: внешняя красота, доброта, христианская добродетель, хорошие манеры: «Была Русудан обличем благозданна, как и блаженная мать ее, незлоблива, щедра, человеколюбива, почитательница людей благонравных».⁴⁷ Согласно тому же автору, ей присущи женское коварство, распущенность и праздность. Русудан в изображении анонима отличает жажда власти и благополучия, умение проявить решительность, в том числе и в военных вопросах, принимать взвешенные, обдуманые решения. В таком описании очевиден симбиоз подлинных черт личности и качеств сугубо конвенциональных, упоминание которых определялось самим замыслом и задачами сочинения. Средневековые нарративы были направлены на фактографирование власти, давали описание деяний правителя. Деятельность царицы оценивается сквозь призму общечеловеческих моральных ценностей, в то же время в осмыслении связанных с ней событий присутствует и религиозная семантика. Бурная политическая реальность первой половины XIII в. позволила рельефно отразить специфику и стратегии женского правления, «не золотого века» царицы Русудан.

В **заключении** обобщаются выводы, полученные в отдельных главах диссертации, намечаются дальнейшие перспективы исследования рассматриваемой проблематики. В процессе рассмотрения событийно-политической истории Абхазского царства были выявлены и проанализированы стратегии царственных женщин, способы их самореализации в контексте изучаемой эпохи. Проявление политической инициативы женщинами, как правило, было связано с кризисными моментами (угрозой прерывания или сменой династии, малолетством правителя, тяжелой внутри- или внешнеполитической обстановкой).

Показательно, что представительницы властной элиты не только сумели успешно адаптироваться к системе дискриминированной феминности, а то и преодолеть ее, но и смогли оказать на нее трансформирующее

⁴⁷ Картлис Цховреба, (История Грузии) / Под ред. акад. Р. Метрели. Тбилиси, 2008. С. 338.

воздействие. Для женской части высшей аристократии существовала возможность преобразования традиционных гендерных маркеров. Хорошо известно, что процессы именно в среде знати зачастую имели для всего общества значение престижного образца или, по крайней мере, прецедента.

Представительницы домов Леонидов и Абхазских Багратидов, выданные замуж за рубеж, побывали на тронах практически всех соседних с Абхазским царством государств. Остается сожалеть, что источниками зафиксирована политическая деятельность лишь некоторых из них. Многие из царственных супругов Абхазских Багратидов также проявили себя как энергичные, деятельные и способные личности. Стоит отметить, что личные качества самих женщин: смелость, решительность, умение руководить – способствовали вовлечению их в политическую борьбу, дипломатическую деятельность

Влияние женщин на государственную политику Леонидов и Абхазских Багратидов, а также их роль в социальной жизни государства были весьма значительны. Само по себе успешное правление женщин-монархов могло быть обеспечено только в том случае, если на протяжении предшествующего периода статус царственных женщин был высок, а их вовлеченность в дела государственного управления довольно масштабна.

Изучение политических стратегий женщин высокого социального статуса в эпоху средневековья является актуальным как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Обращение медиевистов к гендерным сюжетам не только расширяет наши знания о прошлом, но позволяет осознать и понять социокультурную перспективу дня сегодняшнего, расширяет фундамент для последующих научных изысканий.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях соискателя:

1. Византийские исторические сочинения эпохи Комнинов об абхазах. – Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. Сухум, 2012. С. 95-104.

2. Генезис и становление Абхазского царства. Сухум, 2017. 284 с.
3. Царевна Гурандухт. Исторический портрет // Абхазоведение: Археология, История, этнология. Выпуск XI. Сухум, 2018. С. 41-48.
4. Из истории брачной дипломатии Абхазского царства (первая половина XI в.) // Сборник научных трудов. Абхазский государственный университет. – Сухум: АГУ, АБИГИ. 2020. С. 120-126.
5. Штрихи к портрету византийской императрицы Μαρία της Αλανίας (της Αβασγίας) // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2020. С. 111-124.
6. Другая Гурандухт // Сборник статей по истории Абхазии. Сухум, 2021. - 128 с. С. 64-76.
7. Женские имена из антропонимикона царских династий Аносидов-Леонидов и Абхазских Багратидов // Вестник Академии наук Абхазии № 12. Серия «Гуманитарные науки», Сухум, 2022. С.146-154.
8. Взаимоотношения Абхазского царства и Ширванского шахства в первой половине XII в. // Абхазский государственный университет 90. Юбилейное научное издание. Сборник статей. Сухум, 2022. С. 217-226.
9. Кипчакский фактор в истории царства Абхазских Багратидов // Школа и жизнь. № 4. Сухум, 2022. С. 80-93.
10. Прекрасное средневековье // Аказара №1, № 2. Сухум, 2023. (на абх. яз.).
11. Проблемы престолонаследия в Абхазском царстве во второй половине IX в. // Абхазоведение: Археология, История, этнология. Выпуск XII. Сухум, 2022. С. 90-98.
12. Монашеский подвиг представительниц династий Леонидов и Абхазских Багратидов // Алашара. № 3. Сухум, 2023. С. 148-164. (на абх. яз.).
13. «Невеста из Обез» для князя Изяслава Мстиславича. Концепция уникального брачного проекта // Вестник АНА № 13. Серия Гуманитарные науки. Сухум, 2023.
14. Абхазская царевна-монахиня Анастасия. (Образ подвижницы благочестия в агиографической литературе) // XIX Дзагуровские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Махачкала, 2023. С. 100-107.

15. Образ царицы Русудан в средневековых исторических нарративах // Времена. Историко-культурный альманах №1-2, 2024. С. 38-47. Несколько статей находятся в печати.